

## Роль коллекционеров русско-византийских древностей в формировании музейных собраний на рубеже XIX–XX веков

Л. В. Конькова, М. В. Спешинская-Зорич

Российский государственный гуманитарный университет,  
Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская пл., 6

**Для цитирования:** Конькова Л. В., Спешинская-Зорич М. В. 2022. Роль коллекционеров русско-византийских древностей в формировании музейных собраний на рубеже XIX–XX веков. *Вопросы музеологии* 13 (1): 78–96. <https://doi.org/10.21638/spbu27.2022.106>

В контексте русско-византийского прикладного искусства клады домонгольской эпохи представляют собой уникальную группу предметов материальной культуры, досконально исследуемую академической наукой — археологией и искусствоведением. В истории музейного дела накоплен ряд исследований по отдельным частным коллекциям, где в той или иной степени были представлены клады, но существует необходимость в комплексном освещении всей совокупности кладов как итога «собирательской лихорадки» в Российской империи рубежа XIX–XX вв. Культура данного периода, обращенная к стилям прошлых эпох, сделала декоративно-прикладное искусство Византии, Древней Руси и сопредельных культур желанным объектом коллекционирования, что способствовало активизации рынка древностей. Когда древности оказывались встроенными в среду частных коллекционеров, неизбежно нарождались определенные тенденции их бытования в этой среде. В статье предпринята попытка осветить благотворные и отрицательные стороны данных тенденций, в том числе для науки и музейного дела. Среди персоналий — А. С. и П. С. Уваровых, Д. Я. Самоквасова, Б. И. и В. Н. Ханенко, В. В. Тарновского, А. А. Бобринского, А. В. Звенигородского, М. П. Боткина, Дж. П. Моргана — по мотивировкам и подходам выделены две группы: профессионалы-археологи и любители древностей. Дана характеристика состава и комплектования коллекций в контексте археологических раскопок, выявлена их дальнейшая история бытования и роль в музеефикации памятников декоративно-прикладного искусства. В качестве проблемных моментов деятельности коллекционеров и антиквариев названы рост рынка подделок, разрозненность памятников, представлявших собой единые комплексы, а также вопрос перемещения национальных ценностей.

**Ключевые слова:** клады, декоративно-прикладное искусство, Византия, Древняя Русь, частная коллекция, собрание, музей.

Деятельность девятнадцатый век<sup>1</sup>, век изобретений и открытий, вызвал небывалый рост общественного интереса к истории и археологии. В России эта яркая эпоха получила репутацию «разразившейся собирательской лихорадки» по сбору древностей, которая захватила страну и вывела ее на передовой рубеж коллекционерской деятельности

<sup>1</sup> В данной работе, охватывающей период XIX–XX вв., хронологические рамки для удобства опираются на понятие «долгого XIX века», т. е. примерно до 1914 г.

во всем мире»<sup>2</sup>. В это время по всей империи рука об руку шли несколько взаимовлияющих культурных тенденций: всеобщее увлечение стилем историзма, повышение престижности коллекционирования, а также активизация рынка древностей и торговцев-антиквариев. Последние особенно выиграли от переосмысления форм декоративно-прикладного искусства, когда произведения мастеров Средневековья стали желанными объектами коллекционирования.

В Российской империи историзм как художественное явление особенно ярко проявил себя в русско-византийском стиле, на что были и ценностные, и политические причины: Россия выступала преемницей Византийской империи<sup>3</sup>. Это нашло закономерное продолжение в формировании частных собраний как византийского, так и древнерусского искусства, которое в хронологических рамках XI–XIII вв. достигло высокого совершенства.

Стоит отметить, что совершенная степень мастерства наиболее ярко явила себя в случайных находках. В XIX в., как и в последующем XX, в различных местах, бывших когда-то крупными городскими центрами Киевской Руси, начали обнаруживаться клады — уникальные вещевые комплексы, содержащие такие предметы ювелирного искусства, которые при иных обстоятельствах едва ли можно было получить. Они начали поступать в различные коллекции и собрания — либо сразу музейные, либо частные. Так как последние при различных, удачных или драматических, обстоятельствах входили в собрания музеев, в данной статье предпринята попытка выявления и характеристики ряда частных коллекций рубежа XIX–XX вв., в которых в том или ином объеме были представлены клады Древней Руси наряду с наследием сопредельных культур, в частности Византии и Грузии. Актуальность данной проблемы заключается в том, что в истории музейного дела еще не существует комплексного труда, прослеживающего бытование древнерусских кладов в частном коллекционировании.

## 1. Русско-византийские древности и среда коллекционеров

Клады обнаруживались не только в ходе раскопок, официальных или любительских. Еще более любопытной ситуацию делает то, что нередко находки были случайными, например в процессе земляных работ, как это было с киевским кладом 1906 г.<sup>4</sup> и многими другими. В результате история бытования кладов после их находки зачастую неоднозначна. Иные из них ныне хранятся и изучаются в музеях, а иные оказались разрозненными и частично либо полностью навсегда утраченными. Когда же кладывается встроеными в среду частных коллекционеров, неизбежно нарождаются определенные тенденции их бытования в этой среде. Попытка осветить эти тенденции, как положительные, так и отрицательные, предпринята в данной работе.

Часть коллекционеров хотела, чтобы их коллекции были представлены публично различными способами. Они сотрудничали с хранителями музеев, историками искусства, иллюстраторами и издателями не только для саморекламы, но и с науч-

<sup>2</sup> Новаковская-Бухман, 2017. С. 24.

<sup>3</sup> Печёнкин И. Е. 2015. Русско-византийский стиль. *Большая российская энциклопедия*. Т. 29. М. С. 76.

<sup>4</sup> Корзухина, 1972. С. 24.

но-образовательными целями. Ведь параллельно любительскому интересу уже давно развивалась археология как новая научная дисциплина, публиковались первые каталоги собраний, монографии и статьи о христианских древностях и задачах их научного изучения<sup>5</sup>. Поэтому некоторые коллекционеры открывали свои дома для ученых и представителей общественности, позволяли изучать предметы, вносили их в крупные европейские выставки и стремились передать коллекции в музей<sup>6</sup>.

Противоречивость во взаимодействии искусства и коллекционеров лучше всего раскрывается на примерах конкретных персоналий. В «плеяде коллекционеров» прослеживается разделение на две группы по роду деятельности, подготовке, мотивировкам и подходам: к первой относятся профессиональные ученые-археологи, организаторы или участники раскопок, по отношению к древностям в первую очередь исследователи и уже во вторую — собиратели. Вторую группу составляют любители искусства, собирающие коллекции по своим личным интересам. Чтобы установить, как те или иные подходы влияли на дальнейшую судьбу коллекций кладов, необходимо подробнее остановиться на каждой из этих групп.

## 2. Плеяда коллекций: из «Порецкого музеума» четы А. и П. Уваровых

Начало частного «Порецкого музеума» в фамильном имении Поречье графа Алексея Сергеевича Уварова (1824–1885) и его супруги Прасковьи Сергеевны (1840–1924) было положено еще Сергеем Семеновичем Уваровым. Но, в отличие от своего отца, отдававшего предпочтение западноевропейскому искусству, Уваров-младший сместил приоритет в сторону русских древностей — археологических и этнографических памятников, произведений декоративно-прикладного искусства, старопечатных книг<sup>7</sup>.

Говоря о личности А. Уварова в контексте находок домонгольских кладов, нельзя не упомянуть о его деятельном участии в этом процессе, ведь он, как археолог, руководил раскопками множества славяно-русских объектов<sup>8</sup>. Например, в 1851 г., когда А. Уваров проводил раскопки курганного могильника близ Суздаля, в одном из курганов был обнаружен клад (то есть находка, однозначно не являющаяся частью погребения) — так называемое Суздальское оплечье, или бармы, парадное нагрудное украшение одного из русских князей, как принято считать, Владимирской династии Рюриковичей. Сначала оплечье поступило в публичный Румянцевский музей, а оттуда, между 1916 и 1925 гг., в Исторический, где на данный момент является одним из самых ценных и репрезентативных экспонатов<sup>9</sup>. Уваров же был одним из первых исследователей этой находки и в 1885 г. подготовил ее публикацию для Московского археологического общества<sup>10</sup>.

<sup>5</sup> Новаковская-Бухман С. М. 2011. Михаил Петрович Боткин — человек и коллекционер. Государственный Русский музей. Электронные данные. СПб.: Palace Editions. С. 7.

<sup>6</sup> Collectors. *Before the Blisses: Nineteenth-Century Connoisseurship of the Byzantine Minor Arts*. URL: <https://www.doaks.org/resources/online-exhibits/before-the-blisses/collectors> (дата обращения: 08.02.2022).

<sup>7</sup> Фролов, 1994. С. 45.

<sup>8</sup> Формозов, 1994. С. 11.

<sup>9</sup> Чем оказалась случайная находка графа Уварова. *ГИМ Онлайн*. URL: <https://mediashm.ru/?p=16065> (дата обращения: 08.02.2022).

<sup>10</sup> Уваров, 1885.

Что же до личной коллекции Уваровых, то в этом богатом собрании, компетентно обработанном и изученном, выделяются: византийской работы крест с орнаментами перегородчатой эмали, XI столетия, происходящий из Киева; также эмалевая дробница, медный крестик-складень с русско-византийскими эмалями, наглядно демонстрирующий процесс упадка эмальерного производства в XIII в.; затем пара золотых колтов с птицами одного из киевских кладов; фрагмент цепи-рясна киевского же происхождения с чередующимися изображениями птиц с орнаментальными щитками<sup>11</sup>. Исполнение изделий «отличается замечательной чистотой и прозрачностью эмалевых красок, почти не изменивших тона»<sup>12</sup>. Примечательно то, что куплены драгоценности были у А. С. Анненкова, то есть они происходят из печально известного Анненковского клада 1842 г., который из-за корыстолюбия владельца погиб почти полностью<sup>13</sup>. В 1910-х гг. вместе с остальной частью коллекции по желанию владельцев предметы Уваровской коллекции были безвозмездно переданы Историческому музею в Москве<sup>14</sup>.

### 3. Клады в коллекции древностей профессора Д. Я. Самоквасова

Исторический музей своим собранием кладов обязан не только А. Уварову, но и его коллеге и другу, не менее выдающемуся археологу, а также историку права и архивисту — профессору Дмитрию Яковлевичу Самоквасову (1843–1911). Уроженец Черниговщины, первооткрыватель кургана Черная могила, в своих изысканиях Самоквасов специализировался преимущественно на эпохе язычества, поэтому коллекция, которую он собирал с начала 1870-х гг., соотносилась изначально с дохристианским периодом в истории Руси и сопредельных курганных культур. Она с успехом демонстрировалась на всероссийских археологических съездах, Антропологической выставке 1879 г. в Москве, Всемирной выставке 1873 г. в Париже, что говорит о большом интересе к ее содержанию даже в Европе<sup>15</sup>.

«Результатом этого внимания, — писал Самоквасов, — было желание богатейшего Британского музея, не имевшего отдела славянских могильных древностей, приобрести мою коллекцию <...> но, по моему мнению, древностей своей родины нельзя передавать в чужую страну, а потому в 1891 г. я все свое собрание передал безвозмездно на вечное хранение в Имп. Рос. Исторический Музей, с условием, чтобы оно хранилось в той системе распределения могильных древностей <...> в какой передается Музею и описано в своде дневников моих раскопок и в печатном каталоге<sup>16</sup>, приложенных к переданной коллекции»<sup>17</sup>. Дмитрия Яковлевича отличал особенно тщательный подход компетентного специалиста: его дар «в научном

<sup>11</sup> Кондаков, 1892. С. 170, 173, 327, 353; Уварова П. С. 1907. Финифтяные изделия. *Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова*. Т. 2, отд. 6. М.: Синодальная типография: С. 182, 184, 181.

<sup>12</sup> Кондаков, 1896. С. 185.

<sup>13</sup> Корзухина, 1954. С. 105–108, № 65.

<sup>14</sup> Фролов, 1994. С. 46.

<sup>15</sup> Щавелев, 1993.

<sup>16</sup> Самоквасов Д. Я. 1892. *Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей профессора Д. Я. Самоквасова*. Варшава: Тип. М. Земкевич.

<sup>17</sup> Самоквасов, 19086. С. 19.

и музейном отношении отличался редкой полнотой и системностью»<sup>18</sup>. Неудивительно, что коллекция имела образцовое сопровождение, ведь Самоквасов лично уделял внимание разработке методик раскопок, порядку описания и издания могильных древностей и их хранения в музеях. Ему принадлежит немало ценных замечаний — так, «величайшим злом современной русской археологии» он считал практику пополнения музейных фондов частными коллекциями, не имеющими раскопочных дневников, а также такую организацию экспозиций, где «древности сортируются под влиянием художественного вкуса, а не по требованиям историко-археологической науки», что было недостатком даже крупных музеев, например, Исторического или Эрмитажа<sup>19</sup>. Таким образом, в работах этого деятеля мы находим попечение о сохранении научной ценности его коллекции во всей полноте, а также критику современного ему опыта экспозиционной мысли.

Кладов христианской эпохи в собрании Самоквасова было не так много, но их значение для русской археологии довольно велико. В XIX столетии особенно много кладов — двенадцать — дало городище Княжья гора близ города Канева Киевской губернии, а впервые они были обнаружены именно при раскопках Самоквасова, продолженных Н. Ф. Беяшевским, в 1877–1892 гг.<sup>20</sup> В эти семь кладовых комплексов входили золотые и серебряные украшения «киевского типа» — в коллекцию Самоквасова попали браслеты, серьги, височные кольца и цепочка<sup>21</sup>. После отъезда исследователя с раскопок на Княжьей горе как археологи, так и крестьяне-кладоискатели продолжали обнаруживать клады, поступавшие в коллекции других лиц, о которых будет сказано ниже.

Позднее в распоряжении Д. Я. Самоквасова оказался еще один примечательный клад: во время проведения XIV Археологического съезда 1908 г. в Чернигове местный крестьянин передал ему свою случайную находку — серебряные вещи, найденные в прикрытом сковородкой горшке на урочище Святое озеро<sup>22</sup>. Клад содержал большой набор украшений головного убора и рук, среди которых выделяются особенно большие колты с каймой из крупных шариков, украшенные гравированными изображениями грифонов и плетенки на черневом фоне, меньшие колты, на которых также гравированы фантастические животные, «клюющие виноградные сплетения», и три перстня с плоскими гравированными щитками.

Святоозерский клад вечером того же дня был показан на заседании ученого совета с предложением купить его на средства ученых. Но желающих тогда не оказалось, и Д. Я. Самоквасов вспоминал: «Я приобрел его на свои средства, чтобы спасти для науки, <...> хотя я не собираю древностей со времени передачи своей коллекции на вечное хранение в Московский Исторический Музей». Этот клад он также пожертвовал Историческому музею «для приобщения к отделу древностей Северянской земли в коллекции моего [Самоквасова] имени»<sup>23</sup>.

<sup>18</sup> Щавелев, 1993.

<sup>19</sup> Самоквасов, 1908б. С. 16–17.

<sup>20</sup> Корзухина, 1954. С. 16.

<sup>21</sup> Самоквасов, 1908а. С. 263; Корзухина, 1954. С. 126–127, № 113–114.

<sup>22</sup> Самоквасов, 1916. С. 33–40.

<sup>23</sup> Там же. С. 33.

#### 4. Из «Приднепровских древностей» Б. и В. Ханенко

Еще одна супружеская чета, всерьез увлеченная коллекционированием, — украинские меценаты Богдан Иванович (1849–1917) и Варвара Николаевна (1852–1922) Ханенко. Благодаря этим деятелям в Киеве появились два крупных и значимых музея: в 1899–1904 гг. — Киевский художественно-промышленный и научный музей имени Императора Николая Александровича, и в 1918–1921 гг. — Музей искусств имени Б. и В. Ханенко<sup>24</sup>. Богдан Иванович, успешный промышленник, хоть и не был ученым сам, но спонсировал археологические раскопки, возглавлял Киевское общество древностей и искусств, созданное для устройства первого городского музея. Этому своему детищу он передал собственную археологическую коллекцию из 3145 предметов разных эпох. Кроме того, перед смертью он завещал Киевскому музею и свои капиталы. Заслуги Ханенко перед музейной жизнью города были оценены соотечественниками, конечно же, еще при его жизни: в своей речи при пожаловании деятелю звания действительного статского советника киевский губернатор заявлял, что «благодаря неустанным трудам и материальной поддержке Ханенко в настоящее время Киевский музей обладает обширными коллекциями в различных отраслях исторической науки, этнографии и художественной промышленности, служащими для развития среди местного населения интереса к родной старине и искусству»<sup>25</sup>.

Раздел «Эпоха славянская» в составе коллекции Ханенко комплектовался в ходе обнаружения кладов при раскопках на землях Приднепровья<sup>26</sup>. Коллекционеры указывают посредников, через которых поступали находки, подчеркивают, что при их классификации «с должной осмотрительностью старались по возможности проверить обстоятельства, сопровождавшие их нахождение, и убедиться в правильности показанного местонахождения»<sup>27</sup>. Более полудюжины раз фамилия Ханенко упоминается в своде Г. Корзухиной — в связи с такими знаковыми для славянской археологии находками, как Сахновский клад 1900 г., содержащий уникальную диадему с сюжетом вознесения Александра Македонского; ожерелье из золотых бус и медальонов, изображающих сцену Деисуса, окаймленных двойной жемчужной обнизью и драгоценными камнями в многогранных гнездах; фрагменты парчи; или клад 1896 г. из уже упомянутого городища Княжья гора, в горшке, наполненном такими украшениями из золота и серебра, как рясна из колодочек, колты с многолучевой каймой и эмалью на вставных щитках, а также необычно маленький колт с геральдически распластанной птицей<sup>28</sup>. Т. Макарова называет этот колт «уникальным произведением», отмечая, что он выпадает из общего типологического ряда и размерами, и формой, и числом петель для обниси, и орнаментацией: «Это произведение первоклассного мастера, предлагающего свой вариант орнаментации с собственным сюжетом — павлином, столь характерным для византийского искусства»<sup>29</sup>. Описанные шедевры — только часть относительно целостно сохранившейся коллекции Ханенко, которая ныне представлена в Музее

<sup>24</sup> Пескова, Строкова, 2010.

<sup>25</sup> Там же. С. 397.

<sup>26</sup> Ханенко Б. И. 1902. *Древности Приднепровья*. Вып. 5: Эпоха славянская (VI–XIII вв.). Киев: Фототипия и тип. С. В. Кульженко. С. 18.

<sup>27</sup> Там же.

<sup>28</sup> Корзухина, 1954. С. 111, 115, 129–131, 135. № 80, 91, 120, 123, 127, 139.

<sup>29</sup> Макарова, 1975. С. 31–32.

исторических драгоценностей Украины — филиале Национального музея истории Украины. Также небольшое количество артефактов попало в фондовое собрание Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника, но в постоянной экспозиции они не присутствуют и редко задействованы на выставках<sup>30</sup>.

## 5. Из «Украинских древностей» В. В. Тарновского

В 1891 г. земли, на которых расположено городище Княжьей гора, были приобретены «специально с археологической целью» Василием Васильевичем Тарновским (1837–1899) — общественным и культурным деятелем, меценатом, уроженцем Черниговщины<sup>31</sup>. Личность Тарновского также показательна в отношении тенденции сотрудничества между промышленниками и археологами во второй половине XIX в.: он сам предпринимал раскопки, а изыскания на Княжьей горе на средства мецената проводил Н. Ф. Беляшевский, который также по просьбе Тарновского каталогизировал его собрание украинских древностей, по задумке имевшее «строго местный характер»<sup>32</sup>. В это собрание поступили пять кладов, найденные в 1891 и 1892 гг., выделяющиеся богатством вещевого состава — среди них как серебряные, украшенные чернью, так и золотые в технике перегородчатой эмали бармы, в том числе довольно редкие для частных коллекций. Вся коллекция Тарновского была завещана Черниговскому губернскому земству для создания музея, который открылся уже в 1902 г., — ныне это Черниговский областной исторический музей имени В. В. Тарновского. История бытования этой части коллекции непростая: во время эвакуации в 1941–1944 гг. археологическое собрание музея было депаспортизовано, в результате чего специалисты долгое время считали предметы утраченными. Однако в настоящий момент в фондах Черниговского музея сохраняются, хоть и разрозненно, частично уцелевшие находки четырех из пяти киевских кладов Княжьей горы<sup>33</sup>.

## 6. Из собрания графа А. А. Бобринского

Граф Алексей Александрович Бобринский (1852–1927) успел оставить свой след и на государственном, и на общественно-политическом поприще, но нас интересует его деятельность как председателя Императорской Археологической комиссии, члена научных обществ, коллекционера, любителя искусств и истории. В коллекциях, размещавшихся в его петербургском особняке, нашлось место и нескольким древнерусскимкладам. В 1886 г. он приобрел у крестьян клад серебряных украшений, найденных у могильника Мартыновка в Киевской губернии, о сохранности и текущем местоположении которого данных на сегодняшний день нет, и в научный оборот он вошел по рисункам из первых публикаций<sup>34</sup>.

<sup>30</sup> Мысько, 2020.

<sup>31</sup> Самоквасов, 1908а. С. 264

<sup>32</sup> Черненко, 2002. С. 109; Тарновский В. В. 1898. *Каталог украинских древностей коллекции В. В. Тарновского*. Киев: Типография К. Н. Милевского.

<sup>33</sup> Черненко, 2002. С. 110–112.

<sup>34</sup> Бобринский А. А. 1887. Дневники пятилетних раскопок Алексея Бобринского (1879–1885 гг.). *Курганы и случайные археологические находки близ мест. Смелы*. В 3 т. Т. 1. С. 150–152, XVIII–XX; Корзухина, 1954. С. 132, № 129.

Как уже говорилось выше, раскопки богатого материальными находками городища Княжа гора были как археологическими, так и просто кладоискательскими, так что неудивительно, что не все найденные клады своевременно фиксировались. Так, доподлинно неизвестно, когда и при каких обстоятельствах собрание перегородчатых эмалей Бобринского пополнилось двумя орнаментированными образцами, относящимися к киевскимкладам, — «бляшкой» (подвеской каплевидной формы) и «ободком» (из двух частей, на шарнире)<sup>35</sup>. Этим изделиям посчастливилось быть представленными публике на петроградской выставке «Церковная старина» в 1915 г. Такие выставки были одним из средств расширения доступности коллекций для широкой публики и специалистов в дореволюционный период. В экспозицию вошли предметы из закрытых храмовых ризниц и кладовых, а также из особняков аристократии и коллекционеров: свои перегородчатые эмали предоставили А. Бобринский, Б. Ханенко и И. Балашов<sup>36</sup>. В тот же год графа посетила мысль о передаче эмалей в собрание Музея училища барона Штиглица, после революции, в 1924 г., перешедшего в ведение Эрмитажа. Несколько десятилетий после этого грузинская часть коллекции не была известна широкому кругу специалистов; кроме того, по причине запутанности в сложной системе учета к ней были отнесены и фрагменты из раскопок на Княжьей горе<sup>37</sup>. В коллекциях последних двух столетий история бытования перегородчатых эмалей, созданных в XI–XII вв. византийскими и грузинскими мастерами, полна спорных моментов в провенансах и истории перемещений из грузинских церквей, что будет показано далее на более ярких примерах. Этот вопрос затронул в конце концов и эмали из Эрмитажа: в 1975 г. музей получил приказ «передать безвозмездно в постоянное пользование» Государственному музею искусств Грузии часть нимба, отождествляемую с окладом иконы «Хахульская Богоматерь», две части золотой рамки и золотую подвеску. Если передача фрагмента венца, как определено грузинского по происхождению, была правомерна, то «относительно фрагментов из Княжьей горы произошла роковая ошибка»<sup>38</sup>. В результате эрмитажное собрание понесло потерю в виде высокохудожественных предметов византийского искусства, так наглядно отражавших торговые и дипломатические связи между Византией и домонгольской Русью. Они могли бы занять достойное место на выставочных проектах, связанных с возрождением интереса к светскому и религиозному искусству Византии в конце прошлого столетия, так же как это было и в его начале. Однако оправдать вышеозначенную передачу можно было острой необходимостью наладить отношения с грузинскими музеями.

<sup>35</sup> Пятницкий, 2017. С. 487–488.

<sup>36</sup> Действительный статский советник И. П. Балашов (1842–1924) в своей коллекции византийских древностей, наряду с эмалевыми иконками, имел и пару серег, «добытых из земли». По отношению к древнерусским изделиям они имеют большое значение как материал для компаративного их изучения; изделия описаны в трудах Н. П. Кондакова (Кондаков, 1892. С. 98, 152–154, 323). После смерти владельца его знаменитые эмали рассеялись по музейным и частным коллекциям Западной Европы (Пятницкий Ю. А. 2013. Из истории антикварного рынка России в предреволюционные и послереволюционные годы: Михаил Михайлович Савостин. *Studii de muzeologie: Volum dedicat aniversării a 30-a a Muzeului Național de Istorie II*. Chișinău: Muzeul Național de Istorie a Moldovei. С. 187).

<sup>37</sup> Пятницкий, 2017. С. 489–496.

<sup>38</sup> Там же. С. 499.

## 7. Византийские памятники А. В. Звенигородского

Александр Викторович Звенигородский (1837–1903) более всего известен благодаря своей коллекции, которую он собирал в последней четверти XIX в. В. В. Стасов, близкий знакомый и соратник коллекционера, в посвященном ему некрологе писал об этом так: «Но главное дело и заслуга его деятельности состояли в собирании разных капитальных произведений искусства. Ему всего более посчастливилось с древними византийскими эмалями, необыкновенно редкими в современной Европе. Ему удалось в продолжение немногих лет во время путешествий своих собрать за огромные деньги такую коллекцию эмалей X и XI веков, которая по признанию авторитетнейших знатоков французских, немецких, английских и русских может считаться самым значительным собранием этого рода во всем свете»<sup>39</sup>. Благодаря этой коллекции и желанию Звенигородского опубликовать ее в лучшем виде сокровищница русского книгопечатания пополнилась еще одним уникальным изданием — монографией «История и памятники Византийской эмали», выдающейся как по художественному исполнению в «русском стиле», так и по глубине научного содержания.

Описание коллекции в виде научного комментария на русском языке было подготовлено ученым-византинистом и старшим хранителем Эрмитажа Никодимом Павловичем Кондаковым к 1892 г.<sup>40</sup> Сама коллекция была сформирована в 1864–1886 гг. Одна ее часть, состоящая из западных эмалей, скульптур и прочих произведений декоративно-прикладного искусства, в 1885 г. была продана Звенигородским Музею училища барона Штиглица, после чего он сосредоточился исключительно на византийских эмалях.

На момент кончины Александра Викторовича в 1903 г. в его коллекции насчитывалось 39 предметов, происходивших либо из древнерусских кладов в Киеве, либо из монастырей Грузии<sup>41</sup>. Каковы были источники комплектования коллекции? Казалось бы, сам Звенигородский оказывает ученому сообществу большую услугу, открыто говоря о путях составления коллекции в своем предисловии: «В 1881 году я совершил путешествие на Кавказ. Цель моя была: увидеть собственными глазами и изучить многочисленные византийские и их ближайшую отрасль — грузинские эмали, рассеянные в громадном количестве по монастырям, церквям и частным собраниям различных кавказских местностей. <...> Но плодом такого знакомства явилась непреодолимая потребность, доходящая до страсти, приобретать все, что только могло еще быть возможно, по части лучших древних византийских эмалей. <...> В июне 1881 года я купил в Кутаиси у князя Сем. Ив. Абашидзе первые две эмали: образки с изображениями апостола Петра и св. Николая. В августе того же года несколько мелких эмалевых предметов приобретено мною в Тифлисе, через посредство покойного археолога и писателя А. П. Берже...», и так далее<sup>42</sup>. Однако «эта “открытость” А. В. Звенигородского не была реальной, и ее можно рассматривать лишь как хорошо продуманный рекламный ход»<sup>43</sup>. Хотя некоторых иссле-

<sup>39</sup> Пятницкий, 2015. С. 293.

<sup>40</sup> Там же. С. 298.

<sup>41</sup> Там же. С. 309.

<sup>42</sup> Кондаков, 1892. С. II.

<sup>43</sup> Пятницкий, 2015. С. 296.

дователей и могли подкупить такие сведения, Ю. Пятницкий приводит архивные свидетельства, разоблачающие их неполноту и неверность. Звенигородский умалчивал о реальном происхождении древностей, а ему было хорошо известно, что практически все они были похищены из монастырей и церковей Грузии. В 1950 г. Ш. Амиранашвили писал: «Некоторые коллекционеры, при содействии грузинского Экзархата, расхитили из монастырей и ризниц богатейшие собрания грузинских древностей. <...> Знаменитое собрание эмалей Звенигородского и частично Боткина состояло из эмалей, добытых ими в Грузии при содействии официальных лиц»<sup>44</sup>.

Действительно, картина расхищения ценностей из грузинских монастырей детально восстановлена исследователями. В 1880-х гг. некий фотограф Степан Сабин-Гус, пользуясь разрешением на реставрацию старых икон, снимал с них драгоценные фрагменты декора и продавал по частям. Один из таких элементов, эмалевый медальон, был даже куплен графом А. Бобринским в Петрограде и в тот же день показан Н. Кондакову, который изделие опознал. Узнав о нарушении целостности памятников и распространении их фрагментов на рынке, они снарядили экспедицию, итогом которой стало составление «Описи памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии» в 1890 г.<sup>45</sup> Однако самые решительные меры были приняты в советский период: в 1923 г. Грузии были возвращены практически все памятники древнего искусства, остававшиеся в музеях и древлехранилищах РСФСР (эмалей Звенигородского среди них уже не было по причинам, изложенным ниже) и помещены в Государственный музей искусств в Тбилиси<sup>46</sup>.

Сюда же относится и еще один сомнительный момент: Н. П. Кондаков, исследуя и описывая коллекцию, «зная о принадлежности ряда эмалей одному комплексу, не мог откровенно написать об этом и прибегал к сложным, часто путаным предложениям. По этой же причине он не мог привлечь внимание правительства к фактам хищения древних памятников Грузии. <...> Чрезвычайно любопытна в этом [посланном Звенигородскому] письме фраза Н. П. Кондакова: “Остаются ли сделанные Вами исключения настолько безусловными, что о них в книге нигде не упоминать?” — на которой есть помета, сделанная А. В. Звенигородским, возвратившим письмо: “Да, безусловно, не упоминать!”»<sup>47</sup> К сожалению, обязательства Кондакова перед Звенигородским не позволяли ему работать в рамках научной этики.

Что касается киевских драгоценностей, то известно, что они попали в коллекцию из уже упомянутого Анненковского клада 1842 г., будучи купленными у мирового судьи<sup>48</sup>. Вещевой состав клада включал эмалевые колты с птицами и сиринями, а также два фрагмента по три бляшки той же цепи-рясна, что и в коллекции Уварова<sup>49</sup>. Получается, что детали одного убора из Анненковского клада и поныне разъединены. Кроме того, в предисловии Звенигородский указал, что в 1882 г. приобрел «серьгу» (то есть колт) из клада Чайковского, но Г. Корзухина установила, что на самом деле она происходит из клада Лескова 1876 г.<sup>50</sup>

<sup>44</sup> Там же. С. 295.

<sup>45</sup> Беручашвили, 2001. С. 219–220.

<sup>46</sup> Там же. С. 223.

<sup>47</sup> Пятницкий, 2015. С. 297.

<sup>48</sup> Кондаков, 1892. С. III; Корзухина, 1954. С. 108; Pekars'ka, 1997. С. 69.

<sup>49</sup> Корзухина, 1954. С. 107.

<sup>50</sup> Там же. С. 112.

Александр Звенигородский скончался в Германии в 1903 г., и его наследники почти сразу вознамерились продать коллекцию для улаживания финансовых проблем<sup>51</sup>. Уже тогда опасения высказывал В. Стасов: «Наследник же Звенигородского, Влад[имир] Виктор[ович], в Лондоне. Ведет, говорят, переговоры о продаже “Эмалей”. Какой ужас! Неужели они пропадут для России?!»<sup>52</sup> В 1909–1910 гг. обсуждался вопрос о приобретении коллекции для казны: сестра покойного, Н. В. Мясоедова-Иванова, подавала прошение министру императорского двора барону В. Б. Фредериксу, но запросила сумму, которая созданной для рассмотрения дела (дошедшего до самого императора Николая II) Особой комиссии под руководством графа А. А. Бобринского показалась неоправданно завышенной. Стоит подметить, что уже тогда коллекция находилась в «подвешенном» состоянии, будучи заложенной антиквару Жаку Селигману в Лондоне. Тем временем в возникшей дискуссии были затронуты вопросы этики по отношению к похищенным предметам коллекции. Обсуждение неизбежно приняло нравственную окраску и было продолжено в чутко отреагировавшей прессе, особенно когда стало известно, что переговоры с наследницей не возымели успеха: «Пока наша Специальная комиссия “думала-гадала” и дожидалась решения Совета министров, драгоценная коллекция эмалей Звенигородского уже куплена парижским антикваром Зелигманом за 300 000 рублей. Когда же мы дождемся узаконений, при которых не могли бы так просто происходить незаменяемые потери?» — так сокрушались «Вести за месяц» в журнале «Старые годы»<sup>53</sup>. Приобреталась коллекция через Селигмана для влиятельного американского коллекционера Джона Пирпонта Моргана. В интервью *New York Herald* в 1912 г. Селигман сказал: «Никто не может представить себе красоту и редкость коллекции мистера Моргана. Я, у кого в руках были все изделия, не могу найти слов, чтобы выразить их изумительную красоту и качество...»<sup>54</sup>

## 8. Джон Пирпонт Морган: спонсор музея Метрополитен

С древнекиевскими кладами влиятельный предприниматель, банкир и финансист Дж. П. Морган (1837–1913) связан не только посредством Звенигородского. Благодаря изысканиям Л. Пекарской, продолжившим в 1990-х гг. донныне скудную библиографию по крупнейшему из древнерусских кладов, хранящихся в музейных собраниях Запада, можно восстановить историю приобретения этого клада для коллекции Дж. П. Моргана<sup>55</sup>. Речь идет о находке близ Михайловского Златоверхого монастыря при прокладке труб 5 июля 1906 г. Клад едва не был расхищен прямо на месте, но основная часть была продана торговцу древностями Моисею Золотницкому. Тот, опасаясь потери сокровищ из-за требований Археологической комиссии вернуть их, вывез их за границу и продал по частям. Тогда Комиссия занялась розыском уже за границей и к началу 1907 г. получила сведения о члене одной из лондонских антикварных фирм, который приобрел клад, но согласен хранить его до получения инструкций. Увы — здесь также по каким-то неизвестным при-

<sup>51</sup> Пятницкий, 2015. С. 303.

<sup>52</sup> Там же.

<sup>53</sup> Там же. С. 308.

<sup>54</sup> Peкарс'ка, 1997. С. 69.

<sup>55</sup> Пекарская, 2010.

чинам было допущено промедление, и ответ от Комиссии пришел слишком поздно, когда вещи уже были проданы. Далее Комиссия, даже осознавая научную ценность оригинальных и высокохудожественных вещей из клада, не стала предпринимать никаких дальнейших усилий по его возвращению. Так было упущено в пользу зарубежных коллекций второе крупное собрание изделий из кладов.

Оно содержало, по описанию Г. Корзухиной, золотые цепи-рясна с птицами и кринами, колты с декоративными композициями и изображениями святых, серебряные колты с ажурной каймой, наручи с фантастическими птицами и лилиями, перстни, бусы и монеты<sup>56</sup>. Уцелевшие и дошедшие до торгов «украшения византийского золота и серебра» вызвали интерес Дж. П. Моргана и были им в итоге приобретены. В том же 1907 г. к собирателю обратился Британский музей, также заинтересованный кладом, и в ответ на обращение получил от Моргана в дар серебряные украшения в технике черни. К своим коллекциям Морган относился внимательно — об этом говорит факт привлечения экспертов и знатоков, включая Эдварда Робинсона, Генри Кента и Вильгельма Валентинера, главных участников возрождения интереса к раннему христианскому искусству в XX в.; поэтому можно заявить, что представительная коллекция Моргана подняла значимость византийского искусства как в общественном, так и в научном сознании<sup>57</sup>. После смерти Дж. П. Моргана в 1913 г. основная часть его коллекции была распродана, а та ее доля, в которую входили вышеописанные древности кладов, была подарена сыном коллекционера Метрополитен-музею, развитию которого Морган способствовал еще при жизни<sup>58</sup>. Тогда же музей устроил «выставку-блокбастер» на основе более 4 тысяч предметов, в том числе и эмалей.

В двух музеях — Британском и Метрополитен — русско-византийские драгоценности хранятся и изучаются до сих пор.

## 9. Домонгольские сокровища М. П. Боткина

Михаил Петрович Боткин (1839–1914) — петербургский художник из известной купеческой семьи, член ряда ученых обществ и комиссий — как коллекционер снискал себе славу хитроумного, предприимчивого конкурента, но очень энергичного и образованного<sup>59</sup>. В его особняке XVIII в. на набережной Невы образовался собственный домашний «музей», открытый по воскресеньям для всех желающих. В отношении доступности и открытости этого собрания следует оговориться, что под него не планировалось обустройства отдельного помещения, и располагалось оно в жилых комнатах семьи Боткиных, что накладывало определенные ограничения на возможность обзора. Некоторые экземпляры владелец соглашался предоставлять для копирования или на выставки, самостоятельно проводил экскурсии для посетителей особняка. Однако о полноценной музеефикации коллекции при его жизни говорить нельзя: она не была каталогизирована, ее целостность зачастую нарушалась при дарениях, и будущая целостность также не была предусмотрена;

<sup>56</sup> Корзухина, 1954. С. 124, № 108.

<sup>57</sup> The Morgan collection. *Dumbarton Oaks*. URL: <https://www.doaks.org/resources/online-exhibits/before-the-blisses/collectors/the-morgan-collection> (дата обращения: 08.02.2022).

<sup>58</sup> Пекарская, 2010; Корзухина, 1972; Morgan et al., 1912.

<sup>59</sup> Новаковская-Бухман С. М. 2011. С. 6.

впоследствии это привело к рассеиванию коллекции и сложностям в ее изучении для специалистов<sup>60</sup>.

Интерес к памятникам национальной старины возник у Михаила Петровича под влиянием собирателей древностей из его окружения в 1890-х гг. В архивах до сих пор не найдена инвентарная книга собрания Боткина, поэтому главным источником о нем служат «Собрание М. П. Боткина» — роскошное издание 1911 г. в подражание Звенигородскому (но стоит поставить в заслугу Боткину, что сопроводительный текст он написал собственноручно), а также архивные сведения и воспоминания, выдающие злоупотребление Боткина своим положением, например: «Членом Археологической [комиссии] был также М. П. Боткин <...> когда приносили в Археологическую комиссию продавать предметы, его интересовавшие, он низко их ценил, а сам потом, когда продавец не уступал предметы, забегал к продавцу и покупал их для себя по более возвышенной цене. И на этом его ловили», — писал В. Г. Дружинин<sup>61</sup>.

Более того, в коллекции Боткина настолько остро стоит проблема подделок, что это стало одним из направлений в ее изучении<sup>62</sup>. Скорее всего, о фальшивости предметов сам владелец не догадывался и вообще считал подделку эмали уровня Византии невыполнимой, но исследователи поставили этот вопрос уже давно — подозрения озвучивались и при жизни Боткина, затем на протяжении XX в.: так, сомневаться в подлинности вещей заставил иконографический анализ, проведенный в музее Уолтерса совместно с Думбартон-Окс, а микроскопический анализ при исследовании медальона из Бостонского музея изящных искусств выявил технико-технологические особенности и составы, датируемые 1910-ми гг.<sup>63</sup> И, наконец, относительно недавно архивные данные подтвердили ряд подделок: искусствовед Валентин Скурлов в архиве Франца Бирбаума, главного мастера фирмы Фаберже, обнаружил заготовки неопубликованной статьи «Остатки византийского искусства или талантливые подделки?», датируемые 1913 г. Ф. Бирбаум пишет о своих сомнениях как искусствоведа насчет визуальных характеристик медальонов коллекции Боткина и их неправдоподобной сохранности. Он подчеркивает: «Исключительное богатство этой коллекции, значение, которое она может иметь для изучения византийских эмалей, требует, чтобы вопрос о ее подлинности был освещен всесторонне», — с этим современному историку искусства или музейного дела нельзя не согласиться<sup>64</sup>. 1916 годом датируется следующий документ — протокол допроса ювелира-филигранщика Петра Попова о работах, которые он выполнял в течение 17 лет для уже упомянутой личности — господина Сабин-Гуса, прямо в его фотоателье. Мастер в присутствии Ф. Бирбаума и эмалиера Н. Петрова смог

<sup>60</sup> Бакалдина, 2020. С. 52–54.

<sup>61</sup> *Собрание М. П. Боткина*. 1911. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг; Новаковская-Бухман, 2011. С. 10.

<sup>62</sup> Новаковская-Бухман, 2017. С. 27.

<sup>63</sup> The Botkin Collection and the Naïvete of the Educated Consumer. Before the Blisses: Nineteenth-Century Connoisseurship of the Byzantine Minor Arts. *Dumbarton Oaks*. URL: <https://www.doaks.org/resources/online-exhibits/before-the-blisses/collectors/the-botkin-collection-and-the-naivete-of-the-educated-consumer> (дата обращения: 08.02.2022); Беручашвили, 2001. С. 219.

<sup>64</sup> Скурлов, 1997. С. 341–342.

опознать свои филигранные контуры, эмалировал которые затем сам Сабин-Гус<sup>65</sup>. В коллекции Боткина и осела большая часть этой продукции.

Как бы то ни было, М. Боткин собрал блестящую коллекцию домонгольского ювелирного искусства, равных которой было мало. Как эстет и художник, он руководствовался такими критериями, как «драгоценность», яркость и богатство украшения, искусное художественное ремесло и ювелирность отделки произведений<sup>66</sup>. Они приобретались из разрозненных кладов, часто группами. Так, из уже упомянутого Сахновского клада 1900 г. он купил редкие золотые рясна из квадрифолийных бляшек и трехбусинные височные кольца. Среди других шедевров — золотой перстень-печать с резным силуэтом льва, исполненным в азиатской манере, золотые колты переходного типа с ажурной каймой, представительный комплекс серебряных украшений в техниках чернения, зерни и скани<sup>67</sup>. Собрание Боткина получилось достаточно репрезентативным для того, чтобы проследить по нему, во-первых, эволюцию и многогранность ювелирного дела Руси, во-вторых — ее контакты с Византией, Малой Азией, Западной Европой, Скандинавией<sup>68</sup>. В целом раздел домонгольских украшений и крестов-энколпионов включал более семидесяти экземпляров.

В 1917 г., спустя три года после смерти М. П. Боткина, его вдова обратилась в Русский музей с просьбой принять на хранение всю его коллекцию, в общей сложности 32 ящика. Впоследствии большая часть была передана в Эрмитаж, но предметы из одного ящика, № 27, остались на постоянном хранении в Художественном отделе Русского музея. В описи 1917 г. древнерусские предметы из этого ящика получили название «Черниговский клад» — по какой причине Черниговский, до сих пор не ясно.

Остается еще один вопрос: каково участие Боткина в скандальном деле с продажей эмалей Звенигородского? Самое непосредственное. Еще в предисловии к книге об эмалях Звенигородского можно встретить странное примечание: «Последние два образка... были у меня похищены обманном образом и перепроданы в другие руки. <...> Теперь они находятся в собрании академика М. П. Боткина»<sup>69</sup>. По отзывам современников, «состоял он во всевозможных художественных комиссиях и комитетах, но всюду пользовался, несмотря на свои ласковые манеры, репутацией коварного интригана» — так высказался А. Бенуа<sup>70</sup>. И когда в 1909 г. в Особой комиссии, членом которой Боткин состоял, подняли вопрос о возвращении краденых эмалей в Грузию, это оказалось «крайне щекотливым» для его собственной коллекции с таким же криминальным прошлым. Более того, провести интригу и воспрепятствовать приобретению собрания Звенигородского в казну Боткина подтолкнул и тщеславный интерес. Как замечает Ю. Пятницкий: «Продажа эмалей Звенигородского за границу делала коллекцию М. П. Боткина единственной и непревзойденной в России»<sup>71</sup>. Поэтому, зная о желании Дж. П. Моргана купить эти эмалы, он мог вступить в договоренность с Ж. Селигманом — об этом имеются сви-

<sup>65</sup> Там же. С. 342–345.

<sup>66</sup> Новаковская-Бухман, 2017. С. 31.

<sup>67</sup> Новаковская-Бухман, 2010. С. 229.

<sup>68</sup> Новаковская-Бухман, 2011. С. 58.

<sup>69</sup> Кондаков, 1892. С. II.

<sup>70</sup> Пятницкий, 2015. С. 309.

<sup>71</sup> Там же.

детельства в переписке последнего с Морганом. По заключению Пятницкого, «преследуя свои собственные цели, он [Боткин] ни на минуту не задумался о том, какой урон приносит российским музеям и национальной культуре»<sup>72</sup>.

\*\*\*

Степень сохранности и доступности сокровищ для общества зависит от степени сознательности самого коллекционера, особенно когда речь идет о мелких уязвимых медальонах или о «женской кузни», из которой и состоят древние клады. Если обратиться к истории, можно вспомнить, что для урегулирования расхитительного кладоискательства и рынка древностей еще в 1859 г. была создана Императорская Археологическая комиссия, издан указ о представлении находок в Санкт-Петербург для фиксации. Но, когда интересы своекорыстия оказываются сильны, обойти закон не так трудно. «Каждый проявлял себя в меру собственной культуры и отношения к древностям»<sup>73</sup>. Эти слова могут быть озвучены в назидание ко второй категории персоналий, определенной в начале статьи, — к коллекционерам-любителям, целеполагание которых коренилось не только в искреннем почитании старины, но и в мотивах тщеславия. Нельзя забывать о печальных последствиях этой «собирательской лихорадки» для музейев.

Приведенные примеры находок и собраний ярко иллюстрируют цепь противоречий, цепляющихся одно за другое. Первое — в том, что коллекционирование, несомненно, подняло престиж декоративных изделий в обществе и создало новые рынки для возрожденческих стилей в прикладном искусстве, но оно же и спровоцировало рост рынка высококачественных подделок<sup>74</sup>.

Во-вторых, одним из следствий исторических особенностей бытования и музейфикации древнерусских кладов после их находки является нарушение целостности комплексов, которые когда-то были едиными. В частных коллекциях многие изделия разъединялись владельцами и теряли свои взаимосвязи, а следовательно, и часть научной информативности. Очевидно, что это тоже представляет проблему для исследователей. Как пишет об Анненковском кладе Н. В. Жилина, «разбросанные по разным странам и городам вещи хочется свести воедино хотя бы на общей таблице, чтобы по стилистическим и типологическим чертам определить примерное время их создания, ориентировочно очертить тот период, в течение которого люди накапливали их, прежде чем им пришлось навеки с ними расстаться»<sup>75</sup>.

Третья проблема, о возвращении ценностей, лежит в русле реституции. Предложение о соблюдении этики и возвращении сокровищ грузинских монастырей обратно в их ризницы было высказано еще Н. П. Кондаковым. Однако если это намерение было в полной мере осуществлено в 1923 г., когда Грузия добилась возвращения из России огромного количества памятников своей культу-

<sup>72</sup> Пятницкий, 2015. С. 311.

<sup>73</sup> Леусская Л. 2016. Золотая гривна Мономаха. *Санкт-Петербургские ведомости* 2 (5619). URL: [https://spbvedomosti.ru/news/obshchestvo/zolotaya\\_grivna\\_monomakha/](https://spbvedomosti.ru/news/obshchestvo/zolotaya_grivna_monomakha/) (дата обращения: 08.02.2022).

<sup>74</sup> Before the Blisses: Nineteenth-Century Connoisseurship of the Byzantine Minor Arts. *Dumbarton Oaks*. URL: <https://www.doaks.org/resources/online-exhibits/before-the-blisses> (дата обращения: 08.02.2022).

<sup>75</sup> Жилина, 2014. С. 208.

ры, то в России или Украине тот же вопрос относительно древнерусских кладов в собраниях Западной Европы и Америки никогда не поднимался. Но, с другой стороны, в пользу сохранения предметов там, где они оказались, можно привести такой аргумент: сокровища Киевской эпохи в экспозициях западных музеев способствуют популяризации древнерусского искусства среди зарубежной публики, повышают его престиж, будучи выставленными наряду с лучшими изделиями Византии.

Наконец, в-четвертых, нельзя забывать о потенциальном аксиологическом значении кладов в сравнении их со светскими и религиозными памятниками ювелирного дела Византии. Оно стоит выше материального, технологического, художественного или искусствоведческого. Прежде всего, эти предметы материальной культуры формируют ценности в рамках славянской национальной идентичности, представляя собой наглядные свидетельства высокого уровня художественных ремесел, достигнутого в эпоху Киевской Руси.

## Литература

- Бакалдина Е. В. 2020. Собрание М. П. Боткина: частная коллекция или музей. *Музей. Памятник. Наследие* 1 (7): 46–56.
- Беручашвили Н. Л. 2001. Об истории перегородчатых эмалей из коллекции М. П. Боткина в Государственном музее искусств Грузии. *Ювелирное искусство и материальная культура. Сб. статей*. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа: 218–233.
- Жилина Н. В. 2014. Свидетельство двойной трагедии. *Славяне и иные языцы... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной. Труды ГИМ*. Вып. 198: 208–211.
- Кондаков Н. П. 1892. *История и памятники византийской эмали* / предисл. А. В. Звенигородский. СПб.: [б. м].
- Кондаков Н. П. 1896. *Русские клады: исследование древностей великокняжеского периода*. СПб.: Издание Императорской археологической комиссии.
- Корзухина Г. Ф. 1954. *Русские клады IX–XIII вв.* М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Корзухина Г. Ф. 1972. Русские клады в зарубежных собраниях. *КСИА*. Вып. 129. Л.: 24–30.
- Макарова Т. И. 1975. *Перегородчатые эмали Древней Руси*. М.: Наука.
- Мысько Ю. В. 2020. Предметы древнерусского головного и шейного ювелирного убора в фондовом собрании Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника. «На одно крыло — серебряная, на другое — золотая...» *Сб. ст. памяти Светланы Рябцевой*. Университет Высшая антропологическая школа. Кишинэу: Stratum Plus: 227–229.
- Новаковская-Бухман С. М. 2010. Украшения из разрозненных древнерусских кладов в собрании М. П. Боткина. *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной*. СПб.: Нестор-История: 221–244.
- Новаковская-Бухман С. М. 2017. М. П. Боткин и его коллекция. *Исторические Боткинские чтения I*. СПб.: Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры «Музей-институт семьи Рерихов»: 24–37.
- Пекарская Л. В. 2010. Новые данные о Киевском кладе 1906 г. *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.)*. СПб.: Нестор-История: 249–255.
- Пескова А. А., Строкова Л. В. 2010. Об истории и составе «сирийской коллекции» Ханенко в собрании Национального музея истории Украины. *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.)*. СПб.: Нестор-История: 396–404.
- Пятницкий Ю. А. 2015. Перегородчатые эмали из собрания А. В. Звенигородского и исследование Л. Пекарской «Jewellery of Princely Kiev. The Kiev Hoards in the British Museum and the Metropolitan Museum of Art and Related Material». *Tyragetia* 9 (2): 291–314.

- Пятницкий Ю.А. 2017. Византийские и грузинские эмали в собрании графа А.А. Бобринского в Санкт-Петербурге. *Христианский Восток*. Т. 8 (XIV). СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа: 473–510.
- Самоковасов Д. Я. 1908а. *Могилы русской земли*. М.: Синодальная типография.
- Самоковасов Д. Я. 1908б. *Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей*. М.: Синодальная типография.
- Самоковасов Д.Я. 1916. *Раскопки северянских курганов в Чернигове во время XIV Археологического съезда Д. Я. Самоковасова*. М.: Синодальная типография.
- Скурлов В. В. 1997. Остатки византийского искусства или талантливые подделки? *Фаберже и петербургские ювелиры*. СПб.: Журнал «Нева»: 341–349.
- Уваров А.С. 1885. Суздальское оплечье. *Древности. Московское Археологическое общество*. Т. 5, вып. 1.
- Формозов А.А. 1994. А.С.Уваров и его место в истории русской археологии. *Уваровские чтения* II. М.: ИВФАнтал: 7–23.
- Фролов А.И. 1994. Частный музей графов Уваровых в имении Поречье Московской губернии. *Уваровские чтения* II. М.: ИВФАнтал: 45–46.
- Черненко Е. Е. 2002. Клады с Княжьей горы в фондах Черниговского областного исторического музея имени В.В. Тарновского: музееведческий и историографический аспекты. *Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции*. СПб.
- Щавелев С. П. 1993. Д. Я. Самоковасов — историк, археолог, архивист. *Вопросы истории* 3: 177–183.
- Morgan J. P., Fry R., Dalton O. M. 1912. Byzantine Enamels in Mr Pierpont Morgan's Collection. *Chatto & Windus for the Burlington magazine*. London.
- Pekars'ka L. V. 1997. Treasures from Ancient Kiev in the Metropolitan Museum of Art and Dumbarton Oaks. *Metropolitan Museum Journal*, vol. 32: 65–75.

Статья поступила в редакцию 9 февраля 2022 г.;  
рекомендована к печати 25 марта 2022 г.

#### Контактная информация:

Конькова Людмила Викторовна — д-р ист. наук, проф.; lkonkova@mail.ru  
Спешинская-Зорич Мария Владимировна — студент; shonok2@yandex.ru

## The role of Russo-Byzantine antiquities collectors in the formation of museum collections at the turn of the 19<sup>th</sup>–20<sup>th</sup> centuries

L. V. Konkova, M. V. Speshinskaia-Zorich

Russian State University for the Humanities,  
6, Miusskaya pl., Moscow, 125993, Russian Federation

**For citation:** Konkova L. V., Speshinskaia-Zorich M. V. 2022. The role of Russo-Byzantine antiquities collectors in the formation of museum collections at the turn of the 19<sup>th</sup>–20<sup>th</sup> centuries. *The Issues of Museology* 13 (1): 78–96. <https://doi.org/10.21638/spbu27.2022.106> (In Russian)

In the context of Russo-Byzantine minor arts, hoards of the Kievan Rus' era represent a unique group of material culture artifacts, which are being thoroughly examined by academic science — archaeology and art history. The history of museum affairs have accumulated a number of studies on individual private collections, where the hoards were presented to some extent. However, there is a demand for a comprehensive coverage of the entire complex of hoards as the result of a “collecting fever” in the Russian Empire at the turn of the 19<sup>th</sup>–20<sup>th</sup> centuries. The culture of this period, addressed to the styles of past eras, made objets d'art of Byzantium, Ancient Russia and neighboring cultures to be desirable items of collecting, which contributed to the activation of the antiquities market. When the antiquities used to be implemented into the private collectors' milieu, certain tendencies of their existence in this milieu inevitably arose. This article makes an attempt to highlight

beneficial and negative aspects of such tendencies, especially for humanitarian science and museum work. Among the personalities, such as A. S. and P. S. Uvarovs, D. Ya. Samokvasov, B. I. and V. N. Khanenko, V. V. Tarnovsky, A. A. Bobrinsky, A. V. Zvenigorodsky, M. P. Botkin, J. P. Morgan — two groups are distinguished according to their motivations and approaches: professional archaeologists and connoisseurs of antiquities. Characteristics of structure and acquisitions of their collections in the context of archaeological excavations are given; their further history of existence and the role in the museumification of decorative and applied arts monuments are revealed. A number of problematic aspects of the collectors and antique dealers' activity is named, such as the growth of the forgery market, the fragmentation of monuments, which used to be single complexes, as well as the issue of national values restitution.

*Keywords:* hoards, decorative and applied arts, Byzantium, Ancient Rus', private collection, museum.

## References

- Bakaldina E. V. 2020. Collection of M. P. Botkin: private collection or museum. *Muzei. Pamyatnik. Nasledie* 1 (7): 46–56. (In Russian)
- Bakaldina E. V. 2021. M. P. Botkin's collection: sources and historiography. *Iskusstvo Evrazii* 1 (20): 120–141. <https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2021.01.009> (In Russian)
- Beruchashvili N. L. 2001. About the history of cloisonne enamels from M. P. Botkin's collection at the Art Museum of Georgia. *Iuvelirnoe iskusstvo i material'naiia kul'tura*. St Petersburg: Gosudarstvennogo Ermitazha Publ.: 218–233. (In Russian)
- Chernenko E. E. 2002. Hoards from Knyazhyya Gora in funds of the V. V. Tarnovsky Chernihiv Regional Historical Museum: museological and historiographical aspects. *Klady: sostav, khronologiya, interpretatsiia. Materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii*. St Petersburg. (In Russian)
- Formosov A. A. 1994. A. S. Uvarov and his place in history of Russian archaeology. *Uvarovskie chteniia* II. Moscow: IVFAntal Publ.: 7–23. (In Russian)
- Frolov A. I. 1994. Private Museum of Counts Uvarovs in Porechye estate, Moscow province. *Uvarovskie chteniia* II. Moscow: IVFAntal Publ.: 45–46. (In Russian)
- Kondakov N. P. 1896. *Russian Hoards: a Study of Antiquities of the Grand Princely Period*. St Petersburg: Imperatorskoi arkhologicheskoi kommissii Publ. (In Russian)
- Kondakov N. P., Zvenigorodskii A. V. (preface). 1892. *History and monuments of Byzantine enamels*. St Petersburg: b. i. (In Russian)
- Korzukhina G. F. 1954. *Russian hoards of IX–XIII centuries*. Moscow, Leningrad: AN SSSR Publ. (In Russian)
- Korzukhina G. F. 1972. Russian hoards in foreign collections. *KSIA*. Iss. 129. Leningrad: 24–30. (In Russian)
- Makarova T. I. 1975. *Cloisonne enamels of Ancient Russia*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Morgan J. P., Fry R., Dalton O. M. 1912. Byzantine Enamels in Mr Pierpont Morgan's Collection. *Chatto & Windus for the Burlington magazine*. London.
- Mys'ko Iu. V. 2020. Objects of the Old Rus Head and Neck Jewelry Dress in the Depositary Collection of the National KyivPechersk Historical and Cultural Reserve. “*Na odno krylo — serebrianaia, Na drugoe — zolotaia...*” *Sb. st. pamiati Svetlany Riabtsevoi*. Universitet Vysshiaia antropologicheskaiia shkola. Chisinau: Stratum Plus Publ.: 227–229. (In Russian)
- Novakovskaia-Bukhman S. M. 2010. Jewelry from the “Disintegrated” Ancient Russian Hoards in the Collection of M. P. Botkin. *Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia Gali Fedorovny Korzukhinoi*. St Petersburg: Nestor-Istoriia Publ.: 221–244. (In Russian)
- Novakovskaia-Bukhman S. M. 2017. *M. P. Botkin and his collection. Istoricheskie Botkinskie Chteniia* I. St Petersburg: 24–37. (In Russian)
- Pekarskaia L. V. 2010. The New Data about Kiev Hoard — 1906. *Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia Gali Fedorovny Korzukhinoi*. St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ.: 249–255. (In Russian)
- Pekars'ka L. V. 1997. Treasures from Ancient Kiev in the Metropolitan Museum of Art and Dumbarton Oaks. *Metropolitan Museum Journal*, vol. 32: 65–75.
- Peskova A. A., Strokova L. V. 2010. On the History and Composition of Khanenko's “Syrian Collection” in the Collection of the National History Museum of the Ukraine. *Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego*

- istoki. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia Gali Fedorovny Korzukhinoi.* St Petersburg: Nestor-Istoriia Publ.: 396–404. (In Russian)
- Piatnitskii Iu. A. 2015. Cloisonne enamels from the collection of A. V. Zvenigorodsky and research by L. Pekar'skaya "Jewellery of Princely Kiev. The Kiev Hoards in the British Museum and the Metropolitan Museum of Art and Related Material". *Tyragetia* 9 (2): 291–314. (In Russian)
- Piatnitskii Iu. A. 2017. Byzantine and Georgian enamels in the collection of Count A. A. Bobrinsky in St Petersburg. *Khristianskii Vostok*, vol. 8 (XIV). St Petersburg: Gosudarstvennogo Ermitazha Publ.: 473–510. (In Russian)
- Samokvasov D. Ia. 1908a. *Burials of Russian land.* Moscow: Sinodal'naia tipografiia Publ. (In Russian)
- Samokvasov D. Ia. 1908b. *Excavations of ancient burials and description, storage and publication of burial antiquities.* Moscow: Sinodal'naia tipografiia Publ. (In Russian)
- Samokvasov D. Ia. 1916. D. Ya. *Samokvasov's excavations of Severyansk mounds in Chernigov during the XIV Archaeological Congress.* Moscow: Sinodal'naia tipografiia Publ. (In Russian)
- Shchavalev S. P. 1993. D. Ya. Samokvasov — historian, archaeologist, archivist. *Voprosy istorii* 3: 177–183. (In Russian)
- Skurlov V. V. 1997. Remains of Byzantine art or talented forgeries? *Faberzhe i peterburgskie iuveliry.* St Petersburg: Zhurnal "Neva" Publ.: 341–349. (In Russian)
- Uvarov A. S. 1885. The Suzdal barmas. *Drevnosti. Moskovskoe Arkheologicheskoe obshchestvo*, vol. 5, no. 1. (In Russian)
- Zhilina N. V. 2014b. The testimony of the double tragedy. *Slaviane i inye iazytsi... K iubileiu Natal'i Germanovny Nedoshivinoi. Trudy GIM 198:* 208–211. (In Russian)

Received: February 9, 2022

Accepted: March 25, 2022

#### Authors' information:

Ludmila V. Konkova — Dr. Sci. in History, Professor; lkonkova@mail.ru

Maria V. Speshinskaia-Zorich — Student; shonok2@yandex.ru